

ЭДГАР ЮЛИУС ЮНГ

ФЕДЕРАЛИЗМ КАК МИРОВОЗЗРЕНИЕ

ТОТЕНБУРГ

МОСКВА 2025

УДК 321
ББК 67.400
Ю50

***Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.***

Перевод с немецкого — Ислам Паштов.

Юнг, Э.

Ю50 Федерализм как мировоззрение. — М.: Тотенбург, 2025. — 168 с.

В работе 1931 года «Федерализм как мировоззрение» основоположник младоконсерватизма Эдгар Юлиус Юнг продолжает рассуждать об оптимальном устройстве будущей Германии. Поводом к написанию книги послужили дискуссии об административной реформе земель в Веймарской республике. В поисках наиболее отвечающей современным вызовам и имеющей корни в немецком народе системы Юнг обращается к истории, философии и юриспруденции.

Унитаризм или федерализм? Каковы должны быть субъекты федерации: этнические, исторические или экономические? Стоит ли противостоять централизации, при которой столица существует за счет других регионов? Как получилось, что судьбу Германии решает одна Пруссия, а земли лишены самоуправления? Готовы ли граждане ради стабильности отдать свою власть национальной бюрократии? А ежели нет, то какие полномочия должны быть у центра и регионов? Каким образом внутренний выбор между федерализмом и унитаризмом влияет на формирование внешней политики?

«Федерализм как мировоззрение» — это рассуждения «правой» Консервативной революции о том, какой должна быть Империя: централизованной и прусской или федералистской и общенемецкой.

**УДК 321
ББК 67.400**

© Ислам Паштов,
перевод с немецкого, 2025
© Издательство «Тотенбург», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

НЕОКОНСЕРВАТИВНЫЙ РЕЙХ ЭДГАРА ЮЛИУСА ЮНГА	4
--	---

ФЕДЕРАЛИЗМ КАК МИРОВОЗЗРЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	15
МЕХАНИСТИЧЕСКОЕ И ОРГАНИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО	24
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР	47
НЕМЕЦКАЯ ИДЕЯ ИМПЕРИИ	58
ЦЕЛОЕ И ЧАСТИ ПО ОТНОШЕНИЮ ДРУГ К ДРУГУ	66
НЕМЕЦКАЯ СТРУКТУРА В 1871 ГОДУ И СЕГОДНЯ	71
ФЕДЕРАЛИЗМ ПОД УДАРОМ	82
ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ИМПЕРИИ И ЗЕМЕЛЬ	88
ИМПЕРИЯ И ПРУССИЯ	107
КОНСТИТУЦИОННАЯ ПЕРЕСТРОЙКА	112
ПОЛНОМОЧИЯ	133
ФИНАНСОВОЕ ВЫРАВНИВАНИЕ	146
ФЕДЕРАЛИЗМ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ...	158

НЕОКОНСЕРВАТИВНЫЙ РЕЙХ ЭДГАРА ЮЛИУСА ЮНГА

Неоконсервативное движение в Веймарской республике было элитарным политическим проектом, целью которого было вернуть Германию к ее изначальному духовному миру и позиции лидера средневековой Священной Римской империи германской нации. Оно состояло из таких интеллектуалов, как Освальд Шпенглер, Артур Меллер ван ден Брук и Эдгар Юлиус Юнг. Неоконсерваторы стремились разрушить социально-политическое и этическое состояние либеральной Веймарской республики, навязанной Германии ее врагами.

Большинство неоконсерваторов были членами элитных клубов того времени, таких как «Июньский клуб», основанный Меллером ван ден Бруком, и его преемник, «Клуб господ». Они выступали против всех популистов и либерально-демократических систем. Среди неоконсерваторов самым влиятельным теоретиком и политическим активистом был, безусловно, мюнхенский юрист Эдгар Юлиус Юнг. Юнг был не только мыслителем и пропагандистом, но и активным политиком Веймарской республики. Он начал свою политиче-

скую карьеру одновременно с юридической практикой сразу после Первой мировой войны.

Юнг родился в 1894 году в Пфальце и участвовал добровольцем в войне. После ее окончания он присоединился к одному из отрядов Фрайкора и участвовал в освобождении Мюнхена от советской власти весной 1919 года. До франко-бельгийской оккупации Рура (1923–1925) Юнг получил докторскую степень по праву и начал практику в Цвайбрюккене. Его политическая деятельность в это время включала организацию сопротивления и террористических акций против оккупации Рура, в том числе участие в работе Немецкой народной партии (*Deutsche Volkspartei*).

После кризиса в Руре Юнг обосновался как адвокат в Мюнхене, где и проживал до своей смерти. Юнг получил известность благодаря своей политической публицистике в журнале *Deutsche Rundschau* и своей главной политической работе «Господство неполноценных» (*Die Herrschaft der Minderwertigen*), которую Жан Нойро назвал своего рода «Библией неоконсерватизма».

В январе 1930 года Юнг присоединился к Народно-консервативному объединению (*Volkskonservative Vereinigung*), крайне правой партии, изначально сформированной двенадцатью депутатами рейхстага, отколовшимися от Немецкой национальной

народной партии (*Deutschnationale Volkspartei*) под руководством Альфреда Гугенберга.

Отношение Юнга к Национал-социалистической партии Гитлера было прохладным, несмотря на его восхищение «позитивными энергиями» движения. Гитлер представлял себя нации как идола, чтобы гипнотизировать невежественные массы, в то время как консервативное движение стремилось возвысить массы через важность лидерства. Однако крайне правые партии были слишком раздроблены, чтобы создать серьезную альтернативу националистическим силам, особенно после второго раскола НННП, который привел к созданию еще одной отколовшейся партии — Консервативной народной партии (*Volkspartei Konservative*).

Попытка Юнга навязать свой собственный вариант «революционного консерватизма» в Народно-консервативном объединении (VKV) не увенчалась успехом. Когда в декабре 1930 года НННП (*Deutschnationale Volkspartei*) и Консервативная народная партия (KVP) объединились, руководство новой коалиции было передано не ему, а Паулю Лежен-Юнгу.

В январе следующего года Юнг и несколько баварских консерваторов основали Народно-консервативное движение (*Volkskonservative Bewegung zudeutscher Bewegung*), заявляя, что оно предназначено для «всех тех, кто, находясь вне ло-

зунгов и магических формул партийной политической жизни, готов взглянуть на современные политические проблемы исключительно с точки зрения исторической миссии немецкого народа».

Однако отказ Юнга сотрудничать с более умеренными консерваторами, такими как Генрих Брюнинг, а также использовать ресурсы Тревирана для продвижения своей версии революционного консерватизма не помог его движению, которое к весне 1931 года практически полностью утратило политическое влияние. Отсутствие энтузиазма Юнга по отношению к канцлеру Брюнингу он объяснил в черновике письма к Пешелю от 14 августа 1931 года:

«Только когда правительство встанет на путь возвращения к концепции власти и освободится от бесплодности немецкого парламентаризма, эти силы смогут служить нации в ее целостности. При реорганизации кабинета цель должна состоять в полном отказе от его партийного фундамента. Не одобрение партий, а практика и профессиональная компетенция должны определять выбор тех, кто, уважаемый канцлер, будет помогать вам в выполнении этих сложных задач».

Когда Гитлер и Национал-социалистическая партия одержали массовые победы на региональных и государственных выборах 24 апреля 1932 года, Юнг приветствовал юридическое признание

прихода нацистов к власти. Хотя он опасался экстремистских тенденций нацистов, Юнг надеялся, что этот легальный процесс предотвратит катастрофу насильственного подавления политической воли большинства.

Кроме того, нарастающая волна поддержки нацистов в стране оказалась огромной, и консервативный альянс предстал бессильным, когда НСДАП одержала убедительную победу на выборах в рейхстаг в ноябре 1932 года. Юнг был ошеломлен, когда Гитлер ловко объединился с консерватором фон Папеном для формирования коалиционного правительства в январе 1933 года. Юнг всегда сохранял чувство превосходства над популизмом Гитлера и считал, что раз уж консерваторы способствовали приходу этого человека к власти, теперь они обязаны от него избавиться.

Когда Франц фон Папен был назначен вице-канцлером при Брюнинге в 1933 году, Юнг написал ему письмо, в котором предложил свои услуги в качестве составителя речей и интеллектуального советника. По совету своего ближайшего соратника Ганса Хаумана, Папен пригласил Юнга в свое правительство в качестве консультанта. Намерение Юнга в его службе администрации Папена заключалось в том, чтобы «защитить [Папена] стеной консерваторов», которая предоставила бы ему моральные силы в противостоянии стремительному

восхождению Гитлера к власти. Надеясь сдержать экстремизм Гитлера своей консервативной идеологией, Юнг проявил себя как составитель речей для Папена, когда вице-канцлер, Гугенберг и Зельдте из «Стального шлема» объединились для формирования консервативного фронта *Kampffront Schwarz-Rot-Weiss*.

Эти речи были призваны придать новой коалиции правых сил облик консерватизма вместо нацистского экстремизма. Юнг защищал правительство Папена от нападок нацистов, обвинявших его в реакции, и подчеркивал революционный характер новых правых, обращая внимание на духовные и идеологические недостатки Гитлера и его партии.

Пока Папен пытался бороться с нацистским движением с консервативной позиции, Юнг написал критическую к национал-социализму работу «Понимание немецкой революции» (*Sinndeutung der deutschen Revolution* (1933)), где повторил свои обвинения в адрес неолиберализма и демократизма, подчеркивая, что «цель национальной революции должна заключаться в деполитизации масс и их исключении из управления государством».

Юнг призывал к созданию нового государства, основанного на религии и универсальной духовной перспективе. Управлять государством должна была не масса, а новая аристократия или самоосознанная элита, а христианство должно бы-

ло стать моральной основой этого государства. Общество должно было быть организовано иерархически и превосходить националистические рамки, хотя оставаться на «непоколебимой этнической основе» (*völkisch*). Его призывы к преодолению национализма были мотивированы желанием восстановить федералистский европейский Рейх. Консерватизм Юнга также отличался призывами к созданию выборной монархии и назначению имперского регента в качестве духовного руководителя нового германо-европейского Рейха. Однако и проект Рейха, и акцент на этнические ассоциации были реализованы Гитлером более драматично и дерзко, чем любым из консервативных лидеров.

Противостояние Юнга Гитлеру стало более конкретным в начале 1934 года, когда философ начал многочисленные поездки по Германии с целью создания сети консервативных сторонников для свержения режима Гитлера. Сам Папен не был осведомлен о его действиях, а поддержку Юнгу оказывали Герберт фон Бозе, Гюнтер фон Чиршки и Кеттелер. Юнг даже рассматривал возможность лично убить Гитлера, несмотря на опасения, что столь радикальный шаг может лишить его права занять ведущее место в новом руководстве. Позднее он выбрал альтернативу: написал еще одну речь для Папена, которая была произнесена 17 июня 1934 года в Марбургском университете.

Очередные нападения в этой речи на легитимность режима Гитлера и его политические провалы побудили Гитлера, по совету Геринга, Гиммлера и Гейдриха, устранить угрозу, исходящую от Юнга. Таким образом, вместе с Ремом и офицерами СА, ставшими мятежниками в глазах нацистов, Юнг погиб в ходе Ночи длинных ножей 30 июня 1934 года.

Ретроспективно мы можем рассматривать политическую карьеру Юнга как двусмысленную. С одной стороны, его мотивировали философия и видение германского Рейха в неосредневековом стиле, который должен был уничтожить вредную парламентскую систему либералов. Однако его противостояние Гитлеру и отказ от компромиссов с правыми консервативными соратниками явно были обусловлены его личными амбициями, а возможно, даже завистью к политическим успехам Гитлера. По сути, консервативный проект, предложенный Юнгом, отличался от экстремизма Гитлера лишь степенью, но не сутью. Сообщество, которое Юнг хотел создать из немецкого народа, на деле представляло собой нечто подобное гигантскому массовому движению, задуманному Гитлером. Конечно, в этом популизме не хватало духовной основы, которую Юнг считал необходимой для сообщества, но нацисты, по крайней мере, могли утверждать, что именно они заложили этнические (*völkisch*) ос-

новы для единой духовной культуры. Более того, драматичная внешняя политика Гитлера, развернутая после смерти Юнга, на самом деле слишком напоминала культурный империализм, предложенный Юнгом для германского Рейха, чьим долгом было возглавить остальную Европу.

Александр Якоб

ФЕДЕРАЛИЗМ КАК МИРОВОЗЗРЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Когда Веймарская конституция стала законом, ее создатели пребывали в надежде, что они построили сооружение, которое сможет противостоять любым бурям. Они считали, что окончательно решили задачи, которые государственное бытие народа неизбежно ставило вновь и вновь.

Но жизнь Конституции подвержена постоянному воздействию, ее потребности меняются так же, как и содержание, которое накладывается на правовые нормы. Как законодатели основного закона не думали, что парламентаризм в Германии вырастет в скрытую диктатуру партийных лидеров, так они не предвидели и того, что отношения между Империей¹ и землями изменятся, возникнут напряженности, которые вскоре приведут к идее конституционной реформы. Они не поняли, что параграфы Веймарской конституции не создавали

¹ В оригинале автор использует здесь и далее слово *Reich*. Было принято решение в данном русскоязычном издании заменить привычное Рейх на дословный перевод — Империя. По ходу текста это слово употребляется в нескольких значениях: и как немецкое государство (для Юнга Веймарская республика остается Рейхом), и как нечто, что должно быть в будущем, и как идея Империи. Использование слова «Империя» упростит текст для русскоязычного читателя, привыкшего к употреблению одного слова для обозначения нескольких значений, и позволит взглянуть на проблему шире, нежели как сугубо немецкое явление. — *Здесь и далее прим. переводчика, кроме случаев, где указано иное.*

гармонию, а оставляли поле для борьбы. Так и случилось, что вскоре возникли споры между кабинетами, политическими партиями, направлениями прессы и науки, что нашло свое видимое выражение на Конференции земель². Правда, эти споры привели к некоторому прояснению понятий, сбору сторонников и устранению некоторых недоумений. Однако только наивный мог бы утверждать, что взаимопонимание между конфликтующими сторонами существенно возросло или что мы находимся на пороге мирного решения проблемы. Конференция земель завершилась, и, как никогда ранее, решающее слово осталось за политической властью. Процесс, который некоторые называют «опустошением земель», не остановился и продолжает — в зависимости от политических предпочтений — сдержанно приветствоваться или стойко отвергаться.

Каждое политическое явление в определенной мере является результатом реальных соотношений сил. Но это отнюдь не означает, что в политике прав тот, у кого есть сила навязать свою точку зрения. Такой подход, основанный исключительно на грубой силе, не может создать прочного мира. Особенно в таком «гуманитарном» времени,

² На протяжении нескольких лет (1928–1930) Конференция земель, форум высшей немецкой бюрократии, занимался подготовкой комплексной реформы государства, в том числе административной и территориальной.

как наше, идея права не должна пренебрегаться в той степени, в какой это происходит сейчас. Создается впечатление, что милитаристская позиция, оправданная в международной политике и не раз приносившая успех Пруссии в истории, теперь перенесена на внутреннюю политику. Однако ничто не является более опасным, чем когда государство ведет себя пацифистски на международной арене и милитаристски внутри. Правильным же является противоположное.

Без силы право невозможно. В этом смысле можно согласиться с философскими взглядами Спинозы³. Однако сила, не применяемая во имя права и вечных моральных принципов, остается грубой силой, которая неизбежно влечет за собой возмездие. Чем менее обоснованно применение силы, особенно по отношению к собственным согражданам, тем ужаснее возмездие.

Однако было бы неправильно полностью отрицать добрые намерения участников этого конфликта между Империей и землями и считать их лишь носителями дьявольских стремлений к власти. Поклонение власти как основному средству внутренней политики является скорее характерной чертой времени и общей чертой большинства по-

³ Бенедикт Спиноза (1632–1677) — нидерландский философ-рационалист. Он утверждал, что каждая естественная вещь имеет от природы столько права, сколько имеет потенции для существования и действия.

литических направлений. В связи с таким духовным состоянием становится очевидным недостаток взаимопонимания. Ни одна из конфликтующих сторон не пытается всерьез понять и оценить политическую позицию, с которой исходит ее оппонент, потому что наше рационалистическое время одержимо заблуждением, что окончательные политические вопросы решаются на основе целесообразности. Поэтому в газетных спорах, научных дебатах, на конференциях государственных деятелей и руководителей партий спорят аргументами о полезности, и никто не замечает, что каждому доказательству можно противопоставить контрдоказательство. Звучат бесконечно заумные речи, препятствующие достижению согласия, так как отсутствует внутреннее понимание исходных позиций оппонента.

Более поразительным, чем поучительным, является то, какие представления политические лидеры — исключая мелких политиков, не стоящих упоминания, — связывают с двумя политическими тенденциями, известными под лозунгами федерализма и унитаризма. Есть люди, которые из исторического озлобления и в зависимости от точки зрения либо боятся, либо конструируют противопоставление между Северной и Южной Германией (особенно Баварией). Речь идет не о различии, обоснованном исторически и этнически, ко-

торое позже займет особое место в этом труде, а о примитивном противопоставлении прусского и баварского патриотизма или даже шовинизма. Настоящий знаток ситуации не станет тратить слова на подобные политические архаизмы. Другие видят в стремлении к самоутверждению некоторых земель мещанскую гордость своей землей, своего рода претензию на местные права и привилегии. Этот характер считается выражением рокового немецкого сепаратизма, вызвавшего слабость Германии и навлекшего историческую трагедию на немцев. Охотно используют против подобных устремлений лозунг «один народ — одна Империя». Для многих политиков и экономистов вопрос о составе Империи — это вопрос экономической целесообразности. Они исходят из предубеждения, которое будет рассмотрено позже, что централизованное управление — самое дешевое. Вооруженные этим мнением, они требуют рационализации Империи, как будто это автомобильная фабрика. Еще более поверхностен подход, который рассматривает вопрос о земельном составе Империи как чисто финансовую проблему. Вечные споры министров финансов, борьба за финансовое выравнивание или еще более бросающиеся в глаза конфликты, как, например, по поводу налога на пиво, могут побудить недальновидных отвергнуть форму Империи, допускающую такие непри-

ятные сцены, и призвать к единому управлению. К тому же правительства различных земель являются отражением общегерманских партийных отношений. Объективный наблюдатель должен признать, что некоторые противоречия между землей и Империей — это просто отражение борьбы между двумя враждующими партиями. Примером может служить ситуация в Тюрингии; также нельзя отрицать, что неприязнь к Баварии часто связана скорее с ее консервативным режимом, чем с самой землей. Дополнительным обостряющим фактором является следующее: бюрократы, склонные к конфликтам полномочий даже при едином руководстве, тем более предаются этой игре, чем более уверенными в своей власти и менее занятыми они являются. Из-за этой анонимной причины возникает самая опасная напряженность в споре между Империей и землями, какая только возможна. Если к конфликту между Империей и отдельными землями добавляется соперничество земель между собой, то исчезает всякая принципиальность, и начинается борьба всех против всех.

Приведенные примеры иллюстрируют следующую мысль: вопрос о земельном составе Империи (позже мы увидим, что его нельзя отделить от вопроса о государственном устройстве) сегодня не обсуждается объективно. Несерьезность заключается не только в том, что дебаты ведутся пре-

имущественно с политическими эмоциями, а не с рациональными соображениями. Государственно-правовые и государственно-политические соображения, безусловно, присутствуют. С обеих сторон выступают ученые, специалисты составляют статистики и толкуют параграфы. Несерьезность заключается скорее в том, что отсутствует внимание к основным государственным идеям, присущим двум концепциям унитаризма и федерализма. Это приводит нас к роковой особенности немецкой политики за последние десятилетия в целом. Пока другие народы не только чувствуют недостаточность своего общественного и государственного устройства, но и обращаются к сути своего государственного бытия, немцы, за исключением Бисмарковского конституционного устройства, ограничиваются сохранением существующей государственной идеи и ее сугубо прагматичной реализацией. Нигде так мало не размышляют и не обсуждают суть государства, как в политических кругах Германии. Поэтому и Веймарская конституция является результатом подражательного эклектизма, а не самостоятельных государственно-творческих сил. Между тем, история Германии предлагает примеры редкого разнообразия государственной эволюции и процесса, демонстрирующего невиданный ранее богатый опыт государственной устойчивости.

Никто не оспаривает точности и формальной основательности немецкой государственной-правовой теории последних десятилетий; оспаривается только ее плодотворность. Можно было бы надеяться, что разгоревшийся спор о структуре Империи побудит лучшие умы доказать богатство своих идей и внести весомые аргументы в политическое обсуждение. Ничего этого не произошло; многие экспертные заключения, представленные профессионалами, хотя и основательны с научной точки зрения, оказались поверхностными с точки зрения идейной политики. Те, кто погружается в глубины проблемы, считаются дилетантами или утопистами. Цель этой работы — не увеличение объема научного материала, а заполнение пробела, который оставил существующий спор об Империи и ее землях. Она должна выявить предпосылки унитаризма и федерализма и показать, что в основе федерализма лежит более глубокая идея, чем просто противопоставление союза (или федеративного государства) и унитарного государства. В целом, государственная-правовая наука последних двух поколений отказывалась расширять проблему до уровня мировоззрения. Такая личность, как Константин Франц, подвергалась насмешкам, чтобы вновь стать актуальной сегодня. Возможно, его трагедия заключалась не только в том, что он боролся против исторического развития, начавшегося в 1866 и

1871 годах, и против политического титана (Бисмарка), но, возможно, также и в том, что его государственная идея была недостаточно внеисторически обоснована. Тем не менее следы этого выдающегося мыслителя не должны пугать тех, кто осознает изменившиеся обстоятельства и современное брожение. Настолько безыдейное время, как нынешнее, должно использовать любые устойчивые идеи, где бы они ни встречались. Было бы по-детски рвать на части Империю в унитаристском или федералистском смысле, если бы перед нами стоял только вопрос чистой целесообразности. Такие споры могут быть понятны только тому, кто видит за ними мировоззренческие силы, не ограниченные сегодняшним и вчерашним днем, но являющимися вечными. Обнаружение этих сил и, таким образом, закладка идеологической основы борьбы между Империей и ее землями — первоочередная задача этой работы. После выработки принципов оценка текущей ситуации является лишь естественным выводом.